

УДК811.521
ББК 81.001.2

Н.Ю. Тразанова (Иркутск, ИГЛУ)

ПАРЕМИОЛОГИЯ КАК ОСОБОЕ СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В данной статье рассматривается возможность рассмотрения паремиологии как особого семиотического пространства, обладающего такими характерными чертами, как целостность, прагматичность, мифологичность, символичность, образность. Кодовая природа паремиологии обеспечивает выход на более широкие системы, такие, как картина мира, семиосфера, система ценностей, аксиосфера, а также на более древние пласты коллективного опыта народа, содержащие архетипические и прототипические образы, схемы стереотипных ситуаций.

***Ключевые слова:** паремиология, семиотическое пространство, пословица, идиоматическое выражение, «паремиологический минимум», аксиологический код.*

Natalya Yuryevna Trazanova, Irkutsk State Linguistic University

PAREMIOLOGY AS A SPECIFIC SEMIOTIC SPACE

The main purpose of this article is considering a paremiology as a specific semiotic space, which is characterized by such features as wholeness, pragmatics, symbolism, mythology, imagery. A code nature of paremiology provides an access to wider systems, such as worldview, semioshere, system of values, axiosphere, as well as to the most ancient layers of collective experience of the people, containing archetypical and prototypical images, schemes of stereotypical situations.

***Key words:** paremiology, semiotic space, proverb, idiomatic expression, «paremiological minimum», axiological code.*

Изучение паремиологии имеет давнюю традицию в русле филологических, фольклорных, культурологических исследований как сокровищницы народной мудрости на материале различных языков (Л.Б. Савенкова, Г.Л. Пермяков, О.А. Корнилов), анализируемой в целях установления ее состава, а также классификационно-структурных, референциальных и семантических характеристик составляющих паремиологический фонд особого рода устойчивых выражений – паремий.

В настоящее время в связи с возрастающим интересом к поставленному в XX веке вопросу об иерархии кодов культуры, программирующих сознание и поведение людей, особый интерес представляет рассмотрение паремиологии как особого кодового пространства лингвокультуры с точки зрения семиотики.

В этом плане следует определить область исследования паремиологии. Прежде всего, под паремиями (от др.-греч. *παροιμία* *paroimía* - «пословица», «притча», «изречение») понимается, прежде всего, корпус пословиц, поговорок, промежуточный слой пословично-поговорочных выражений, а также идиоматических выражений.

В качестве прототипической паремиологической единицы выступает пословица, которая определяется как «краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм» [Ожегов, Шведова, 1994: 558]. Поговорка подразумевает «...устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [Ожегов, Шведова, 1994: 520].

Кроме того, паремии также могут быть представлены идиомами, являющими собой сочетания слов фразеологического характера, устойчиво воспроизводимые в обычной речи. Слово «идиома» (от греч. «идиос») сначала употреблялось в значении «своеобразный человек», а затем приобрело более широкий смысл – «отклоняющийся от нормы», что указывает на то, что идиомы имеют только переносное значение. Фразеологизмы-идиомы – это «изначально всегда образно мотивированные, но полностью переосмысленные по значению сочетания слов» [Телия, 2006: 6].

Выбор фразеологизмов-идиом обусловлен тем, что согласно мнению специалистов-языковедов, а также культурологов и этнологов, именно идиомы, благодаря своему образному основанию, отображают особенности мировидения народа, события и явления, социально и духовно значимые для народа – носителя данной лингвокультуры. Языковая память фразеологизмов хранит, а также традиционно воспроизводит от поколения к поколению живое наследие культуры, позволяя выйти на «первосмыслы» культуры [Телия, 2006: 6].

Поскольку паремии признаются сложными языковыми знаками, представленными целостными суждениями, целесообразно анализировать подобные устойчивые изречения в русле семиотики, которая предполагает изучение объектов окружающей действительности с позиций знаковости. «Именно семиотика и, пожалуй, только она в состоянии осмыслить то общее, что содержится во всех составных (сложных) языковых знаках, каковыми являются употребляемые в речи фразеологические, паремиологические и прочие разговорно-фольклорные клише» [Пермяков, 1970: 7].

При рассмотрении паремиологического корпуса в семиотическом плане предполагается принимать во внимание такие важные аспекты, как соотношения между формой и содержанием знаков, функционирование знаков в системном контексте, в аспекте кодирования, а также в конкретном лингвокультурном пространстве.

Так как с семиотической точки зрения знак, будучи означающим (*designative*), оценочным (*appraisive*) и предписывающим (*prescriptive*), и обладая различной степенью нагруженности по данным трём измерениям в зависимости от конкретного ситуативного контекста (Ч.У. Моррис),

паремиологические высказывания могут рассматриваться как целостные сложные знаки, имеющие высокий уровень интенсивности как в оценочном, так и в предписывающем плане.

Семиотический подход предполагает исследование широкого спектра паремиологических выражений в связи с тем, что признанным считается функционирование фразеологизмов, а также пословиц и поговорок в роли культурных кодов, передающих сложившуюся систему коннотаций, оценок образного восприятия мира в данной лингвокультуре [Гуревич, 2005: 84]. Значительная часть подобных выражений обладает оценочностью, судя по рубрикам «хорошо - худо», «много - мало», «далеко - близко» [Баранов, 2008: 76]. Более того, логическая адекватность пословиц суждениям или побудительным структурам обуславливает их неизбежную модальность, и, вместе с тем, оценочный характер (В.Н. Телия, Л.Б. Савенкова). Следовательно, в паремиологии заложены исходные смыслы, которые параметризуют (по сути, кодируют) мир в оценочном аспекте в морально-этическом плане.

В этом плане паремии понимаются нами как знаки-микротексты «языка» культуры, обеспечивающие её «читаемость» [Телия, 2004: 677]. Эвристическая ценность данной когнитивной метафоры состоит в том, что среда обитания человека понимается как знаково-символическая реальность [Алефиренко, 2010: 15]. Обладая статусом знаков языка и культуры, паремии содержат в себе имплицитно или эксплицитно различные виды оценок стереотипных ситуаций, нормативные предписания, предписания и руководства, направленные на формулирование основных принципов выживания, способа жизни в конкретных условиях. Иными словами, паремиологический фонд отдельного языка «инвентаризует» набор моделей ситуаций и отношений, возникающих в сообществе его носителей, а также содержит оценку данных моделей [Хахалова, Туманова, 2008: 497].

Таким образом, паремиология может быть представлена как целостное пространство, которое с философской точки зрения является категорией, обозначающей формы бытия вещей и явлений в их со-бытии, сосуществовании. Наряду со временем, указывающим на продолжительность событий, и смену одного явления другим, пространство признаётся одним из фундаментальных параметров бытия человека в мире (Философия: энциклопедический словарь, 2006). Пространственно-временной континуум не только определяет координаты существования феноменов окружающего мира, но и содержит (латинское слово «continuum» происходит от «continen-dum» - «содержащий») их в определённой согласованности друг с другом.

Кроме того, основным параметром человеческого бытия следует считать также ценностное измерение, которое заключается в избирательном отношении к окружающему миру, поскольку человек наделён от природы способностью не только познавать и воспринимать, но и одновременно оценивать окружающий мир, т.е. некоторым образом классифицировать явления на более или менее значимые, ценные. Следовательно, человек

живёт в мире ценностей, имея возможность выбора, присвоения ценностных отношений, в зависимости от соответствия или несоответствия формирующегося внутреннего мира ценностей с миром внешним, сущего с должным. Поэтому неоднократно подчёркивается, что «...единственно человеческий истинный мир есть мир ценностей, кристаллизуемый на стыке - в зазоре, расщеплении бытия на реальное и желаемое, сущее и должное, наличное и потребное» [Ильин, 2005: 4].

Итак, пространство паремиологии, имплицитно оценочное отношение к реальности, является аксиологическим, и представляет собой своеобразный «жизненный мир» бытия человека, имеющий своим основанием «единый тотальный горизонт» (по Гуссерлю). В свою очередь, первичные представления о мире, формирующие данный горизонт, уходят корнями в нетематическое «предварительное знание» о предметах действительности, создающее общий неосознаваемый генетический фон для всех членов определённого лингвокультурного сообщества. Изначальные представления о мире возводятся к архетипическим образам коллективного бессознательного, на основании которых складывалась символика о человеке, его месте в мире и обществе, а также нормативно-ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности людей (Культурология. Словарь терминов – <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/1415>).

В связи с этим паремиология в качестве аксиологического пространства является важной составляющей наивной картины мира, под которой понимается складывающаяся веками, отражающая материальный и духовный опыт народа, коллективная обыденная философия, т.е. реальные представления о мире и человеке, результат практического познания действительности, образ мира, свойственный членам данного культурно-исторического сообщества на определённом этапе его развития [Апресян, 1995: 56-59; Касевич, 1996: 77]. Наивная картина мира формируется как ответ на практические потребности человека, необходимая когнитивная основа его адаптации и выживания в окружающих условиях [Касевич, 1996: 78].

Паремиологическое пространство, отражая житейскую обыденную народную мудрость, функционирует как неотъемлемый компонент наивной картины мира и обладает такими отличительными признаками, как целостность, прагматичность, мифологичность, символичность, образность.

Целостность паремиологического пространства обусловлена единой когнитивной «базой знаний», служащей основой и необходимым условием для приспособления к жизни, принятия важных решений, как текущего повседневного, так и долговременного характера. Фрагментарность, сущностная противоречивость данного «архива» не может служить основой для приспособления к жизни [Касевич, 1996: 78].

В связи с этим, прагматичность, телеологическая направленность паремиологии объясняется её основной задачей выступать поучением во всех сферах повседневного человеческого бытия, руководством к любому виду деятельности, «окончательным решением здравого смысла» («поговорка –

всем делам порешница»), а также транслятором того, что считается существенным и ценным [Буслаев, 2006: 108, 123]. Паремии выступают как готовые универсальные матрицы, структурирующие опыт познания и объяснения реального человеческого бытия.

Мифологичность паремий связана с тем, что древние изречения, уходящие корнями в доисторическое прошлое, являются фактами мышления и познания мира в присущей тому времени мифологической образной форме, которая в своих существенных чертах родственна обыденному сознанию. Поскольку паремии доходят до настоящего времени в народной речи, т.е. в виде уже готовых лаконичных, ёмких, ритмически организованных формулах, мифические образы в них, как правило, сохраняются. Специальные исследования свидетельствуют о том, что существует довольно много пословиц, содержащих первоначальные образы, которые современный человек не опознаёт как таковые, вкладывая в готовую матричную форму содержание, релевантное на настоящий момент [Буслаев, 2006: 114].

В этом плане паремиология как целостное мифологическое пространство подразумевает оперирование символами как представителями образов, соединённых со смыслами, играющих роль разграничения фундаментальных категорий добра и зла, хорошего и плохого, истины и лжи, а также призванных направлять человека к лучшему. Символизация действительности способствует формированию мировоззрения, упорядочиванию мира в виде системы координат с определёнными точками отсчёта, векторами, единицами измерения, что помогает человеку ориентироваться в нём [Мисюров, 2009: 5]. Поэтому для паремий типично обращение к символам, как способу исходной (уходящей вглубь веков) параметризации окружающей действительности, а также эффективного воздействия на поведение человека.

Следует заметить, что паремиологическое пространство, обладая вышеназванными признаками, ориентируя человека в конкретных условиях жизни, имеет непосредственное отношение к сфере наивной этики, направленной на прояснение ситуации морально-нравственного выбора человека в реально существующем укладе жизни (этимологически греческое слово «этика» совпадает с латинским «moralitas» – «относящийся к нраву», «характеру», «складу души», «привычкам») [Разин, 2004: 11; Колтыпина, Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь-справочник, 2005: 850].

Так как наивная этика касается основных аспектов бытия, понятий о ценностях, добродетелях, долге, счастье, жизни и т.д., они непосредственно фиксируются языком в виде базовых концептов, ключевых слов, доминант или констант культуры, а также паремиологического фонда народа. Причём паремии, имплицитно или эксплицитно включающие в себя предельные сокровенные лингвокультурные смыслы, выполняют функцию морально-этических регулятивов, предполагающих организацию социальных форм взаимодействия людей в групповой жизни, «...налаживание систем «вовлечения» и «участия», ценностно, гуманистически регламентирующих

обмен деятельностью индивидуальных общественных существ» [Ильин, 2005: 20-21]. В данном случае социум играет роль аксиологического фильтра, шкалы предпочтений и стимуляции, регулирующих, и ограничивающих свободу воли человека [Ильин, 2005: 21].

При рассмотрении паремий в роли морально-этических регулятивов следует подчеркнуть важность и приоритетность таких функций, как кумулятивная, директивная, моделирующая, поучительная.

Под кумулятивной функцией мы понимаем не только фиксирование, но также хранение и передачу опыта, а вместе с тем, фундаментальных ценностей народа.

Моделирующая функция подразумевает, с одной стороны, возможность моделирования стереотипной жизненной ситуации, в которой употребляется пословица, с другой стороны, отсылки к обстоятельствам и хронотопу, в которых она возникла. Моделирующая функция заключается в том, что паремия даёт словесную (или мыслительную) модель (схему) той или иной жизненной (логической) ситуации [Пермяков, 1988: 88].

Директивная функция указывает на нормативный характер пословиц, используемых в качестве регулятивов различного рода. Данная функция предполагает наличие контроля над человеком/народом, а также ориентиров для корректировки поведения в соответствии с требованиями и нормами, традиционно устоявшимися в данных социокультурных условиях.

Почувственная функция заключается в том, что паремии служат средством в обучении чему-либо. Одни знакомят с картиной мира, другие с правилами поведения, этикетными нормами, третьи – с правилами мышления и т.д. [Пермяков, 1988: 88]. Иными словами, паремиологические суждения служат практическими рекомендациями и руководством в том, как действовать в любой жизненной ситуации.

Паремиологическое пространство имеет природу «кода», т.е. представляет собой совокупность семиотических соотношений, посредством которых происходит аксиологическое кодирование/декодирование отношения человека к миру, себе самому, другим людям. Данные соотношения представляют собой параметры данного пространства, очерчивающие «горизонты» единого «жизненного мира».

В связи с этим необходимо уточнить определение «кода» как системы единиц, носителей категориального значения в данной культуре, связанных с процессами вековой категоризации, концептуализации и оценивания, а также с древнейшими архетипическими представлениями и национальной символикой народа. Такая система единиц предоставляет доступ к ценностным параметрам лингвокультуры. Понятие «кода» в данном смысле сравнимо с понятиями концептосферы, аксиосферы, семиосферы, однако данный термин предпочтителен, так как он позволяет выявить «инвариантные», сущностные элементы лингвокультуры. Код представляет глубинное измерение семиотической деятельности человека, т.е. измерение аксиологическое, предполагающее установление оценочного отношения, приводящего к формированию и существованию ценностей.

Особенностью паремиологии как аксиологического кода является то, что она содержит «исходные» (аксиоматичные) для данной лингвокультуры знаки и правила их отношений, сквозные в эволюционном временном континууме лингвокультуры.

В этом плане паремиологию можно связать с понятием «социальная память», с помощью которой сохраняются, и из которой в случае необходимости извлекаются социальные стратегии и практики увековечивания, предостережения, забвения, этических прескрипций [Брагина, 2007: 22]. При таком рассмотрении паремиологические суждения сопоставимы с коммеморативными местами, и поэтому могут считаться коллективными воспоминаниями, в которых язык, обращаясь к памяти, возвращает нам наши надежды, иллюзии, желания, устремления, намерения, т.е. эмпирический коллективный или индивидуальный опыт [Брагина, 2007: 23].

Паремии могут мыслиться как след социальной памяти, «отпечаток ключевых концептуальных построений прошлого», который, с другой стороны, может содержать и концептуальные перспективы на будущее. Иными словами, паремиологическое пространство являет собой одновременно память относительно ретроспективного прошлого, а также догадку относительно будущего [Брагина, 2007: 48].

Следовательно, паремии, функционирующие как этические регулятивы, в коммуникативной ситуации представляют собой след социальной памяти прошлого и проекцию в виде прескрипции, наставления, инструкции, руководства к действию на будущее.

Ядро паремиологического пространства, содержащего сущностные кодовые смыслы лингвокультуры, составляет так называемый «паремиологический минимум», главными критериями которого являются общеизвестность и употребительность в живой речи и литературе входящих в него паремий [Пермяков, 1988: 212].

Необходимым условием паремиологического минимума является то, что в нём должны быть представлены все основные особенности пословичного фонда народа: все основные смысловые и тематические группы, т.е. основные типы логических ситуаций; полный набор местных реалий; все типы паремий в соответствии со смысловыми функциями; все возможные типы лексико-грамматических вариантов; омонимические формы разных типов. Таким образом, паремиологический минимум даёт более концентрированные сущностные данные, которые могут быть использованы для выявления кодовых элементов лингвокультуры.

Паремиология в любой лингвокультуре создаёт определённое полифоническое пространство, которое представляет собой гармоническое многоголосье, характерное для данного народа. Наличие доминирующих, наставляющих, направляющих, контролирующих голосов, с одной стороны, и подчиняющихся, ведомых, контролируемых, с другой, позволяет декодировать такую информацию, как распределение социальных ролей в обществе, гендерные факторы (функции мужчины и женщины; их права и

обязанности), место и роль «высшей» божественной силы в установлении «земных» порядков.

Итак, основываясь на положениях о паремиологическом минимуме, функционировании пословиц в качестве одновременно культурных и языковых кодов, отражении этнолингвокультурной специфики в картинах мира посредством народных изречений, оправданным можно считать утверждение о том, что паремиология является особым семиотическим пространством.

Таким образом, паремиология как особое семиотическое аксиологическое пространство обладает следующими качественными характеристиками.

1. С точки зрения хронотопа, паремии уходят в глубину веков, т.е. восходят к неопределённому коллективному сознанию, и, более того, к архетипическому коллективному бессознательному (К.Г. Юнг, К. Леви-Стросс), образуя «обобщённую референцию».

2. Данное пространство представляется ценностно обусловленным, фиксируя жизненно важные и необходимые правила выживания и нормы поведения в конкретных условиях жизни.

3. Паремиологический континуум, являясь целостным, прагматически-ориентированным, мифологическим, образным, символическим, играет важную роль в формировании и фиксации наивной картины мира.

4. Сущность паремиологии как аксиологического кода подразумевает такой способ представления значимого континуума, который, имея в качестве компонентов знаки инвариантного характера и правила отношений между ними, обеспечивает выход на более широкие системы, такие, как картина мира, семиосфера, система ценностей, аксиосфера, и, с другой стороны, на более древние пласты коллективного опыта народа, содержащие архетипические и прототипические образы, схемы стереотипных ситуаций.

Следовательно, анализируя паремиологический корпус, можно установить/выявить аксиологические параметры кодового характера, отражающие процессы познания, освоения, концептуализации и категоризации мира, его символизации в данных этнокультурных условиях и обстоятельствах жизни человека/общества.

Список источников

1. *Алефиренко, Н.Ф.* Знание, значение и смысл в пространстве текста, дискурса и культуры [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. - Выпуск 8. - Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. - с.15-24.

2. *Апресян, Ю.Д.* Лексическая семантика [Текст] / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. Т. 2. - Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: «Языки русской культуры», 1995. - 472 с. - С.56-59.

3. *Баранов, А.Н.* Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) [Текст] / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания, № 3. - М.: Наука, 1989. - С. 74-89.

4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / Отв. редактор В.Н. Телия. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. - С. 6-12, 776-782.

5. Брагина, Н.Г. Память в языке и культуре [Текст] / Н.Г. Брагина. М.: Языки славянских культур, 2007.
6. Буслаев, Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 704 с. – С. 107-131.
7. Гуревич, Т.М. Фразеология – ключ к взаимопониманию [Текст] / Т.М. Гуревич // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И.Ф. Вардуля. Отв. ред. В.М. Алпатов, З.М. Шаляпина; сост. А.С. Панина. Институт востоковедения. – М.: Восточная Литература, 2005. – С.84-92.
8. Ильин, В.В. Аксиология [Текст] / В.В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – С.20-21.
9. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. [Текст] / В.Б. Касевич. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – С.77-78.
10. Культурология. Словарь терминов [Электронный ресурс] - <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/1415>.
11. Мисюров, Д.А. Символы о символах: Начала культурно-символической политики [Текст] / А.Д. Мисюров. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
12. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1994. – С.520, 558.
13. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки [Текст] / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1970. – С.7.
14. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии [Текст] / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1988. – С. 7-12, 87-89, 208-213.
15. Разин, А.В. Этика: Учебник для вузов [Текст] / А.В. Разин. – 2-е изд., перераб. – М.: Академический Проект, 2004.
16. Телия, В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов [Текст] / В.Н. Телия // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки Славянской культуры, 2004. – С. 674-684.
17. Философия: энциклопедический словарь [Текст] / под редакцией А.А. Ивина. – Москва: Гардарики, 2006. – С.697-698.
18. Хахалова, С.А., Туманова, С.В. Семиметрия ценности в сравнительном лингвокультурологическом аспекте анализа [Текст] / С.А. Хахалова, С.В. Туманова // Этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная монография. Руководитель проекта доктор филол. наук, проф. Е.Ф. Серебрянникова. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С.492-521.